

«О Б Л А К А»

17.07.2012

В эфире программа «Облака».

Это передача о заключенных, для заключенных и для всех тех, кому не безразлична их судьба.

Здравствуйте. У микрофона Ирина Новожилова.

В 1890 году Антон Павлович Чехов, 30-летний, но уже известный писатель, отправился на остров Сахалин – самую дальнюю российскую каторгу. К тому времени Чехов уже был болен чахоткой. Как медик, он понимал, чем грозит поездка на остров с губительным для туберкулезников климатом. Биографы считают, что путешествие на Сахалин стало одной из главных причин ранней (в 44 года) смерти писателя. Но Антон Павлович торопился, зная, что дальнейшее развитие болезни может сделать поездку на Сахалин невозможной.

В своей книге «Остров Сахалин» писатель назвал увиденный им мир рукотворным «адам на земле». Чехову надо было не только описать этот ад, но и понять истоки, причины его появления. За три месяца, помимо обширных научных исследований, Антон Павлович провел перепись сахалинского населения, заполнив около 10 тысяч статистических карточек.

«Остров Сахалин» – блестящее научное исследование, но это не единственное произведение великого писателя, которое послужило делу становления отечественной медицины. В своих рассказах и пьесах Чехов дал «культурные» образцы, примеры служения святому делу спасения жизни людей, облегчения их страданий. И еще Антон Павлович показал, что врач, использующий свои знания, умения, свой талант для наживы – есть «нравственное чудовище». Рассказывает доктор медицинских наук, профессор Всеволод Галкин:

«Начиная с Астрова и заканчивая Ионычем, Чехов дает нам блестящие примеры возможного поведения врача. Астров – подвижник, земский врач, который говорит: «Дня нет, часа нет, чтобы я мог спокойно уснуть, ночью вздрагиваю – зовут к больному».

Ионыч – врач, который представляет рыночную экономику в чистом виде. Из молодого, яркого, думающего врача, верящего в светлое, хорошее, Ионыч превращается в человека, который к вечеру перебирает засаленные бумажки, складывал их в чулок, как говорится, и покупает один дом, второй, третий».

Для нынешнего медицинского сообщества А. П. Чехов не только гениальный писатель, но и образец жизни, деятельности, как и «святой доктор» Федор Гааз, и другие врачи, заложившие основы медицинской этики. Чехов может служить образцом жизни и деятельности для студентов медицинских институтов, начинающих врачей, так считает начальник Главного военного госпиталя, профессор Владимир Симоненко.

Из выступления В. Б. Симоненко на заседании научного общества терапевтов, которое проходило в главной аудитории медицинского факультета МГУ на Моховой. Запись из архива «Облаков»:

«Порой кажется, что делается все для того, чтобы сделать из нас Ионычей. Милосердие и коммерция – вещи несовместимые, считал еще Гиппократ, который жил в эпоху развитой рыночной экономики. Первым в «клятве Гиппократа» идет принцип – «презрение к деньгам».

Мы забываем о лучшей системе здравоохранения, которую имели. Была целая система земских врачей, институт земских врачей держался на семейных врачах. И Чехов был земским врачом.

Сейчас принято говорить «участковый врач», «врач общей практики», «медицинское обслуживание»... Иногда при изменении терминов меняется их суть. Во времена Чехова

было принято считать, что медицина – это «служение». Служение человеку, для человека и во имя человека.

Лет десять говорят о необходимости создания должности «семейного врача», ссылаясь при этом на канадский опыт, как на картинку. А откуда взялся в Канаде «семейный врач»? Его привезли наши эмигранты – с Украины.

Более 10 лет все наши кафедры работают по программам подготовки «семейных врачей». А что в итоге? Гора родила мышь. По всей России семейными врачами работают чуть больше тысячи человек. В Центральном федеральном округе их где-то около сотни.

Книге «Остров Сахалин» сам автор предпослал подзаголовок – «Из путевых заметок». Возможно, более точное определение жанру, в котором написан «Остров Сахалин», дал Александр Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» – художественное исследование. А еще о таких книгах говорят: это тексты, написанные кровью.

Выдающийся российский юрист Анатолий Кони, автор книги о святом докторе Федоре Гаазе, писал: ««Остров Сахалин», несет на себе печать беспощадной траты времени и сил. В книге за строгой формой и деловитостью тона, за множеством фактических и цифровых данных чувствуется опечаленное и негодующее сердце писателя».

Из книги А.П. Чехова «Остров Сахалин»:

«В канцелярию ввели беглеца Прохорова. Устроивши небольшой плот, он поплыл на нем к материку.

Доктор, молодой немец, приказал Прохорову раздеться и выслушал сердце для того, чтоб определить, сколько ударов может вынести этот арестант. Он решает этот вопрос в одну минуту и затем с деловым видом садится писать акт осмотра.

Идем все в «помещение для надзирателей» – старое серое здание барачного типа. Военный фельдшер, стоящий у входа, просит умоляющим голосом, точно милостыни:

– Ваше высокоблагородие, позвольте посмотреть, как наказывают!

Посреди надзирательской стоит покатая скамья с отверстиями для привязывания рук и ног. Палач, высокий, плотный человек, имеющий сложение силача-акробата, без сюртука, в расстегнутой жилетке, кивает головой Прохорову; тот молча ложится.

Прохоров привязан, палач берет плеть с тремя ременными хвостами и, не спеша, расправляет ее.

– Поддержись! – говорит он негромко и, не размахиваясь, а как бы только примериваясь, наносит первый удар.

– Ра-аз! – говорит надзиратель дьячковским голосом.

В первое мгновение Прохоров молчит и даже выражение лица у него не меняется, но вот по телу пробегает судорога от боли и раздается не крик, а визг.

– Два! – кричит надзиратель.

После каждых пяти ударов палач медленно переходит на другую сторону и дает отдохнуть полминуты. У Прохорова волосы прилипли ко лбу, шея надулась; уже после 5–10 ударов тело, покрытое рубцами еще от прежних плетей, побагровело, посинело; кожа лопается на нем от каждого удара.

– Ваше высокоблагородие! – слышится сквозь визг и плач. – Пощадите...

Вот уже какое-то странное вытягивание шеи, звуки рвоты... Прохоров не произносит ни одного слова, а только мычит и хрипит; кажется, что с начала наказания прошла целая вечность, но надзиратель кричит только: «Сорок два! Сорок три!». До девяноста далеко.

Я выхожу наружу. Кругом на улице тихо, и раздрающие звуки из надзирательской, мне кажется, проносятся по всему поселку.

Вхожу опять в надзирательскую, потом опять выхожу, а надзиратель все еще считает.

Наконец девяносто. Прохорову помогают подняться.

Место, по которому били, сине-багрово от кровоподтеков и кровоточит.

Зубы стучат, лицо желтое, мокрое, глаза блуждают. Когда ему дают каплю, он судорожно кусает стакан...

– Люблю смотреть, как их наказывают! – говорит радостно военный фельдшер, очень довольный, что насытился отвратительным зрелищем.

От телесных наказаний грубеют и ожесточаются не одни только арестанты, но и те, которые наказывают и присутствуют при наказании. Исключения не составляют даже образованные люди. Иные до такой степени привыкают к плетям и розгам и так грубеют, что, в конце концов, даже начинают находить удовольствие в дранье».

Уже первые журнальные публикации глав из книги «Остров Сахалин», вышедшие с 1892 г., вызвали негодование российского общества. Уступкой общественному мнению, взбудораженному книгой «Остров Сахалин», стали реформы, проведенные русским правительством:

в 1893 году были отменены телесные наказания для женщин,

в 1899 году Россия отказалась от таких наказаний, как «вечная ссылка» и «пожизненная каторга»,

в 1903 году были запрещены телесные наказания и бритье головы.

Начальник Главного тюремного управления Саломон, посылая Чехову отчеты о своей поездке на Сахалин (в 1898 году) писал Чехову: «Позволю себе покорнейше просить Вас принять эти две работы как дань моего глубокого уважения к Вашим трудам по исследованию Сахалина, трудам, которые одинаково принадлежат и русской науке и русской литературе».

Книгу «Остров Сахалин» можно назвать предупреждением: «ад на земле», описанный Чеховым, очерчивает ужасы сталинского ГУЛАГа, бесчеловечность и несправедливость нынешних тюрем и лагерей.

Но осталось не услышанным предупреждение великого писателя, ничему не научил нас кровавый эксперимент, в котором были загублены десятки миллионов наших соотечественников. Сегодня десятая часть мирового тюремного населения приходится на Россию, хотя мы составляем лишь одну пятидесятую всего человечества. Каждый четвертый взрослый мужчина в нашей стране – бывший арестант.

За все в этой жизни приходится платить полной мерой. За нынешнюю жестокость и бесчеловечность Россия расплачивается ростом преступности, вымиранием, падением общественной нравственности, духовной деградацией. Так считает выдающийся врач, академик Андрей Иванович Воробьев:

«От того, что мы наказали человека, что общество от этого приобрело? Вы думаете, меньше стало преступлений? Нет. И на этот вопрос отвечает Чехов: доведенные до отчаяния каторжане бегут, и самое частое преступление – убийство. Они все знают, за убийство – виселица. И, тем не менее, чем хуже условия, чем жестче наказание, чем больше срок, тем больше убийств, тем больше преступлений. Это не выход из положения. Мы должны это помнить и должны думать о том, сохранять ли эту ужасающую русскую тюрьму. Это термин международный. Нет понятия «французская тюрьма», есть понятие «русская тюрьма». Американская, оказывается, хуже, жестче, безжалостнее. Сегодняшний вид тюрьмы не выдерживает критики, ни по профилактике преступлений (их число растет), ни по ограничению разлагающего влияния тюрьмы на общество. Тюремный жаргон входит в наш быт. Наши телепередачи наполовину уже тюремного свойства: мордобой, преступления, кровавые убийства, садизм – это все широким фронтом ползет на экран. Это от тюрьмы. Значит, в том виде, как она есть, она не годится».

Россия и США, которые входят в группу «тюремных лидеров», являются и лидерами по уровню убийств, других насильственных и жестоких видов преступлений. Это подтверждает выводы, сделанные в книге-исследовании «Остров Сахалин», опровергает расхожие мифы об эффективности суровых наказаний в решении проблем, связанных с преступностью.

У микрофона директор Центра содействия реформе уголовного правосудия Валерий Абрамкин:

«Книга Антона Павловича Чехова опровергает вековые заблуждения, которые и сегодня бытуют в общественном сознании. Говорят: «наказывайте строже...», «введите смертную казнь...», и преступность пойдет на убыль. В своем исследовании Чехов как раз и показывает мир, где подобные предложения реализованы: бессрочная каторга, пожизненная ссылка на остров, который находится от нас «за тридевять земель»... «за морем-океаном»... цепи, кандалы, тяжелая тачка, которая намертво прикована к ногам арестанта, телесные наказания, розги, плети, виселица... Но и угроза самых жестоких наказаний не способна подавить качества, делающего человека человеком, стремления к свободе. По оценке самого Чехова, 60% сахалинских каторжников, поселенцев, уходили в побег. Некоторые даже добирались до родины, объявлялись, например, на Хитровом рынке в Москве.

Неразборчивость и запредельная жестокость существующей системы наказаний способны породить такую степень отчаяния, при которой человек готов на все, даже на злодейство. У беглеца остается лишь животный страх перед погоней, перед тем, что его поймут, и жажда свободы. «Хоть утонуть, да на воле», – говорили Чехову арестанты.

Выводы Чехова подтверждаются современной криминологической наукой. Жестокость может породить лишь жестокость. Преступность приобретает все более бесчеловечный и страшный характер в странах, где уповают лишь на страх перед жестоким наказанием. К таким странам относятся лишь США и Россия. На долю этих стран приходится треть тюремного населения всего мира».

По сравнению с 2005 годом число заключенных в России уменьшилось примерно на 100 тысяч человек. Хочется надеяться, что кровавые уроки прошлого, которые история преподала нашей стране и в XIX веке, и в XX, будут восприняты. Тем более, что они уже были описаны великим писателем. А через вдохновенное слово, сказанное «от опечаленного и негодующего сердца», приходит в мир правда и справедливость, добро и милосердие.

Наша передача была посвящена русскому писателю, исследователю и подвижнику, автору книги «Остров Сахалин» Антону Павловичу Чехову, в память о 108 годовщине со дня его смерти.

Вы слушали программу «Облака». Всем привет.